

Загадка одного посвящения

Однажды, после концерта, мне кто-то подарил маленькую книжечку без обложки. Это оказался сборник Анны Ахматовой «Anno Domini MCMXXI» издательства «Петрополис» 1921 года. А на титульном листе рукой Ахматовой надпись:

Ты всегда таинственный и новый,
Я тебе послушней с каждым днем,
Но любовь твоя, о друг суровый,
Испытание железом и огнем!

*А. Ахматова
20 февраля 1922 года, г. Москва*

Надпись без адреса. Кому? С кем Ахматова была в Москве в феврале 1922 года?

Попробуем разобраться в этой загадке.

Как известно, стихотворение «Ты всегда таинственный и новый...» было написано в декабре 1917 года.

Тогда же на своем первом сборнике «Вечер» Ахматова сделала такую надпись для Владимира Шилейко: «Моему тихому голубю, чтоб он обо мне скучал. Аня».

Может быть, и стихотворение «Ты всегда таинственный и новый...» было посвящено тоже Шилейко? Но на моем сборничке стоит дата 20 февраля 1922 года.

Что это за время — с декабря 1917-го по февраль 1922-го — в жизни Ахматовой?

Время очень трудное. Послереволюционное.

В середине сентября 1917 года вышел в свет сборник Ахматовой «Белая стая», где почти все стихи были посвящены Борису Анрепу. Значит, начнем с него.

В 1915 году близкий друг Ахматовой Николай Владимирович Недоброво познакомил ее со своим давним приятелем Борисом Васильевичем Анрепом, который вернулся из Англии

как русский офицер после объявления войны. С этой встречи начинаются стихи, посвященные Анрепу. Ему дарятся все три сборника стихов Ахматовой, которые он потом бережно хранил в красивых кожаных переплетах. На сборнике «Вечер» Ахматова написала:

Борису Анрепу —
Одной надеждой меньше стало,
Одною песней больше будет.

*Анна Ахматова
1916 год. Царское Село
13 февраля*

Это были строчки из стихотворения 1915 года «Я улыбаться перестала...».

«Любовное молчание» со стороны Анрепа Ахматовой было понятно, поэтому она ему же посвятила:

Это просто, это ясно,
Это всякому понятно,
Ты меня совсем не любишь.
Не полюбишь никогда.

Тем не менее на сборнике «Четки» (в четвертом издании 1916 года) надпись Анрепу гласила: «И эти/Четки/Анрепу/Ахматова» (певрые два слова надписаны над заглавием и внизу в левом углу рукой Ахматовой поставлена дата: «1917 г. 18 февраля. Петербург»).

Анреп покинул Россию за день до революционного переворота — то есть 24 октября 1917 года. Перед отъездом пришел к Срезневским, у которых в это время жила Ахматова, но не застал ее дома — так и уехал, не попрощавшись. Уехал навсегда.

После его отъезда Ахматова уже не посвящала страстно ликующих стихов Анрепу, да и на только что вышедшей «Белой стае» написала ему лишь «Анрепу — Анна Ахматова».

Она осталась к этому времени одна в таком быстро изменяющемся мире. Недоброво был в Крыму, где и умер в 1919 году, Гумилев командирован в Лондон и Париж, свекровь с Левой в Слепневе (потом в Бежецке), дом в Царском Селе был продан еще в 1916 году.

Вернувшейся в Петербург после лета 1917 года из Слепнева Ахматовой жить было негде. Ее приютила у себя школьная подруга Валя Тюльпанова, в замужестве — Срезневская. У Срезневских в Царском Селе Ахматову нашел Мандельштам, стал ездить к ней в гости, но она скоро заметила, что голодный Мандельштам приходил ко времени обеда, а поскольку она сама была нахлебницей, то деликатно уводила его гулять перед обедом, и они оба оставались голодными.

Сборник «Белая стая» составлял близкий друг Гумилева Михаил Леонидович Лозинский. (Издательство «Гиперборей». Две тысячи экземпляров.) В октябре Ахматова зашла в Публичную библиотеку, где работал Лозинский, забрать очередную порцию причитающихся ей книг «Белая стая». Один сборник она еще ранее подписала ему: «Михаилу Леонидовичу Лозинскому от его друга Ахматовой. Малый дар за великий труд. 15 сентября 1917 г. Петербург». А в этот раз Лозинский попросил ее подписать еще одну «Белую стаю» их общему другу, вернувшемуся после демобилизации в город. И Ахматова написала:

Владимиру Казимировичу Шилейко
В память многих бесед
(Беля стая)
С любовью Анна Ахматова

...И жар по вечерам, и утром вялость,
И губ, растрескавшихся вкус кровавый...
Так вот она — последняя усталость,
Так вот оно — преддверье Царства Славы!

*7 октября 1917
Петербург*

Но сборник этот по каким-то причинам не попал в руки Шилейко, и Ахматова позже, после ряда событий, подписала ему «Белую стаю» еще раз.

Встретила она Шилейко случайно на улице в конце ноября 1917 года. К этому времени было уже очень холодно, Ахматова шла полубольная, с промокшими ногами, в летнем пальто. Шилейко пригласил ее к себе в гости. Он жил в это

время в двух маленьких комнатах в правом флигеле Фонтанного дома, в левом жила семья Пуниных.

В «берлоге», как прозвали друзья квартиру Шилейко, было тепло и пахло кофе. Недаром Гумилев именовал это жилище «шумерской кофейней» и считал своего друга простым гением.

С Ахматовой Шилейко был знаком с 1911 года, время от времени писал ей влюбленные стихи, на которые она отзывалась в 1913 году:

Косноязычно славивший меня
Еще топтался на краю эстрады.
От дыма сизого и тусклого огня
Мы все уйти, конечно, были рады.

Но в путаных словах вопрос зажжен,
Зачем не стала я звездой любовной,
И стыдной болью был преображен
Над нами лик жестокий и бескровный.

Люби меня, припоминай и плачь!
Все плачущие не равны ль пред Богом?
Мне снится, что меня ведет палач
По голубым предутренним дорогам.

Но это было написано в 1913 году, когда у Ахматовой был шлейф поклонников. А сейчас, в ноябре 1917-го, после промозглой улицы, после выпитого вина, у горячей печки, она осталась у него до утра. Они с Гумилевым и раньше ночевали у Шилея (как звали его друзья), когда приезжали из Слепнева и им в городе надо было переночевать.

Ахматова не сразу перебралась жить к Шилейко. Сначала ночевала то у Срезневских в пансионате в Царском Селе, то у него.

Позже, рассказывая про это время Павлу Лукницкому, Ахматова говорила: «К нему я сама пошла... чувствовала себя такой черной, думала, очищение будет». «Очищение» не произошло. Жизнь с ним оказалась очень тяжелой. Поэтому в декабре 1917-го появились такие стихи:

Ты всегда таинственный и новый,
Я тебе послушней с каждым днем,

Но любовь твоя, о друг суровый,
Испытание железом и огнем.

Запрещаешь петь и улыбаться,
А молиться запретил давно.
Только б мне с тобою не расстаться,
Остальное все равно!

Так, земле и небесам чужая,
Я живу и больше не пою,
Словно ты у ада и у рая
Отнял душу вольную мою.

(Стихотворение вошло потом в четвертый сборник стихов Ахматовой «Подорожник» в 1921 году.) Вторично подписала сборник «Белая стая» 3 февраля 1918 года для Шилейко: «Моему солнцу. Анна». Таких слов она не оставляла никому, даже Анрепу, которому писала: «Ты — солнце моих песнопений».

Шилейко потребовал развода с Гумилевым. К этому времени Гумилев как раз вернулся из Европы, зашел к Срезневским, не застал Анну Андреевну, сказал, что придет вечером, — не пришел. Не пришел и на следующий день. Через два дня появился, передал подарок от Анрепа, с которым виделся в Лондоне. Срезневская пишет в своих воспоминаниях: «...Аня сказала, что хочет навеки расстаться с ним. Коля страшно побледнел, помолчал и сказал: “Я всегда говорил, что ты совершенно свободна делать все, что хочешь”. Встал и ушел».

Владимир Казимирович оказался патологически ревнив, запирали Анну Андреевну на ключ, чтобы она не могла никуда уйти. Заставлял ее сжигать, не распечатывая, все получаемые ею письма. Заставлял часами переписывать переводимые им с листа древние тексты. Оказался капризным и мелочным. «Как муж он был катастрофой в любом смысле», — рассказывала она потом Лукницкому. И добавляла: «Да, он тяжелый в общении с другими человек... у него темперамент ученого, все его интересы в науке, и в жизни он может быть тягостным для других. Но у него есть и достоинства — он веселый, он остроумный... И он не плохой человек».

Корней Иванович Чуковский записал в своем дневнике 19 января 1920 года: «Вчера — у Анны Ахматовой. Она и Шилейко в одной большой комнате — за ширмами кровать. В ком-

нате сыровато, холодно, книги на полу. У Ахматовой крикливый, резкий голос, как будто она говорит со мной по телефону. Глаза иногда кажутся слепыми. К Шилейко ласково иногда подходит и ото лба отметаает волосы. Он зовет ее Анечка. Она его — Володя. С гордостью рассказывала, как он переводит стихами — а *livre ouvert*¹ — целую балладу — диктует ее прямо набело! А потом впадает в лунатизм».

Ахматова живя с Шилейко, почти перестала писать стихи. В 1918-м появилось пять стихотворений, в 1919-м — четыре, в 1920-м — только одно.

Новый поэтический взлет — в 1921–1922 годах, когда она освободилась от своего «Дракона».

Тебе покорной? Ты сошел с ума!
Покорна я одной Господней воле.
Я не хочу ни трепета, ни боли,
Мне муж — палач, а дом его — тюрьма.

Но видишь ли! Ведь я пришла сама...
Декабрь рождался, ветры выли в поле,
И было так светло в твоей неволе,
А за окошком сторожила тьма.

Так птица о прозрачное стекло
Всем телом бьется в зимнее ненастье,
И кровь пятнает белое крыло.

Теперь во мне спокойствие и счастье.
Прощай, мой тихий, ты мне вечно мил
За то, что в дом свой странницу пустил.

Написала она это стихотворение в 1921 году.

Спасали ее от неволи старые друзья — Олечка Судейкина и Артур Лурье, которые в то время считались мужем и женой.

Дружба с ними началась еще в 1913 году. Об Олечке Ахматова говорила: «Она была точно мой двойник, но какой-то, знаете, очень светлый». А Лурье называл Ольгу «волшебной феей Петербурга». С Артуром Лурье Ахматова познакомилась

---

¹ По раскрытой книге (*фр.*). То есть без подготовки и словаря. — *Примеч. ред.*

в «Бродячей собаке» перед Новым, 1914-м, годом. Гумилев напрасно звал жену в ту ночь домой — «опоздаем на поезд в Царское Село». Она не слышала, сидела с Лурье всю ночь, Гумилев уехал один.

Лурье тогда был футуристом. Дружил с Маяковским и Хлебниковым. Носил широкую зеленую кофту с большими пуговицами. Писал музыку к стихам Маяковского.

В четвертом издании «Белой стаи» Ахматова к одному из стихотворений поставила посвящение «А.Л.»:

Да, я любила их, те сборища ночные, —
На маленьком столе стаканы ледяные,
Над черным кофеом пахучий, тонкий пар,
Камина красного тяжелый, зимний жар,
Веселость едкую литературной шутки
И друга первый взгляд, беспомощный и жуткий.

Стихотворение это было написано в 1917 году, а раньше — в 1913-м — было такое:

Все мы бражники здесь, блудницы,
Как невесело вместе нам!
На стенах цветы и птицы
Томятся по облакам.

Ты куришь черную трубку,
Так странен дымок над ней.
Я надела узкую юбку,
Чтобы казаться еще стройней.

Навсегда забиты окошки:
Что там, изморозь или гроза?
На глаза осторожной кошки
Похожи твои глаза.

О, как сердце мое тоскует!
Не смертного ль часа жду?
А та, что сейчас танцует,
Непременно будет в аду.

Когда Анна Андреевна познакомилась с Лурье, он был женат на поэтессе Ядвиге Цибульской, но Ахматова, по словам Лурье, «разорила его гнездо как коршун». Тогда они встречались недолго в его снимаемой квартире на Гороховой улице, 29. Тогда же Лурье стал писать музыку на стихи Ахматовой, и эти романсы вскоре были изданы и назывались, как и ее сборник, тоже «Четки». Снова они встретились в 1919 году, когда Ахматова жила у Шилейко. Лурье к этому моменту был комиссаром и работал в музыкальном отделе при Наркомпросе.

Когда Ахматова переехала к Лурье и Ольге — у нее ничего не было, даже пальто. Носила шинель Лурье (кстати, Шилейко тоже ходил в шинели). Потом ей сшили синее шелковое платье, и она «жила» в нем несколько лет. Ахматову устроили библиотекарем в Агрономический институт, она получила комнату на Сергиевской улице, 7, и жила там в 1920–1922 годах.

В 1920 году Фонтанный дом национализировали, Шилейко потерял свою квартиру и жил какое-то время у Ахматовой, но уже просто как друг, и если раньше он говорил, что подобрал Ахматову как сенбернара Тапу на улице, то сейчас она могла сказать то же самое про него.

Но связь ее с Артуром Лурье продолжалась. Она называла его «Арик», «Горюшко» и «Супостат». Он ее — «Горбоносик-Глазенап». Любовь Лурье к ней Ахматова называла Лукницкому «богослужением». Но в то же время — «мы не могли разобраться, в кого из нас он влюблен».

А! Это снова ты. Не отроком влюбленным,
Но мужем дерзостным, суровым, непреклонным
Ты в этот дом вошел и на меня глядишь...

Вместе с Лурье она писала либретто к балету «Снежная маска» по стихам Блока. И на сборнике «Стихотворения Александра Блока», принадлежавшем Лурье, Ахматова сделала надпись:

Не чудо ли, что знали мы его,
Был скуп на похвалы, но чужд хулы и гнева,
И Пресвятая охраняла Дева
Прекрасного Поэта своего.

*16 августа 1921
Петербург*

Ахматова потом рассказывала Лукницкому: «...Лурье заставлял бросить службу... я больна была. Он ко мне очень хорошо относился... Он хороший, Артур, только бабник страшный...»

В июле 1921 года издательство «Петрополис» выпустило сборник «Подорожник» (десять тысяч экземпляров). На подходе была другая книжка. Ахматова не знала, как озаглавить этот сборник. И вот как-то они шли с Лурье по улице, и он показал ей на фронт одного дома, где была надпись «Anno Domini» (то есть «от Рождества Христова»). Ахматова назвала свой сборник «Anno Domini MCMXXI». Лурье, будучи уже в Америке, написал воспоминания об этих годах и считал, что в «Anno Domini» ему были посвящены следующие стихи: «В тот давний год, когда зажглась любовь...», «Неправда, у тебя соперниц нет...», «Что ты бродишь неприкаянный...», «Ангел, три года хранивший меня...», «Из Книги Бытия», «Путник милый, ты далече...», «Сослужу тебе верную службу...», «Пусть голоса органа снова грянут...», «Долгим взглядом твоим истомленная...», «Тебе покорной? Ты сошел с ума!..», «Да, я любила их, те сборища...», «Ты всегда таинственный и новый...».

Не могу обсуждать, правоверен ли этот список, но хочу обратить ваше внимание на последнее стихотворение: «Ты всегда таинственный и новый...», написанное в 1917 году и, как считается, посвященное Шилейко.

Но, во-первых, видимо в 1917 году Ахматова и Лурье встретились, ведь именно тогда появилось стихотворение, посвященное Лурье, «Да, я любила их, те сборища ночные...», и, во-вторых, сборник «Anno Domini», который оказался у меня, с дарственной подписью «Ты всегда таинственный и новый...» был подарен кому-то 20 февраля 1922 года в Москве. Может быть, этот сборник принадлежал Артуру Лурье?

Дело в том, что Лурье, будучи комиссаром по музыкальным делам, жил то в Петербурге, то в Москве. У Чуковского есть, например, запись в дневнике от 5 декабря 1920 года: «Пили чай с Маяковским, говорили о Лурье, что Судейкина живет в холоде и голоде, а он в Москве жил комиссарски». Комиссарство его закончилось в 1921 году, и к 1922 году Лурье решил эмигрировать, он ездил в Москву за подписью Луначарского и за визой. Может быть, Ахматова ездила в февралье с ним в Москву и там подарила этот сборничек?

Но в Москве жил в то время и Шилейко, который семь месяцев в году работал в Московском институте искусств, а остальное время в Петрограде читал курс по древним языкам в университете.

22 июля 1922 года Лурье устроил прощальный вечер. За столом напротив Ахматовой сидел Николай Пунин, с которым Ахматова была мало знакома, он недавно женился, но она ему бросила записку «Приходите в “Звучащую Раковину”» и указала число. Он удивился, пришел, оказалось, что это была годовщина гибели Гумилева, он хотел уйти, но и там Ахматова ухитрилась ему передать записку о свидании уже у нее дома с восьми до девяти часов вечера (она знала, что в десять вернется Судейкина). Так началась уже другая история ахматовской жизни.

Лурье уплывал на пароходе «Гакен» 17 августа 1922 года в Германию. Ахматова его провожала.

Кое-как удалось разлучиться
И постылый огонь потушить.
Враг мой вечный, пора научиться
Вам кого-нибудь вправду любить.

Лукницкий записал в своем дневнике: «Артур Лурье уезжал от А.А. “со слезами”». А Ахматова вслед написала в 1922 году стихотворение «Разлука»:

Вот и берег северного моря.
Вот граница наших бед и слав, –
Не пойму, от счастья или горя
Плачешь ты, к моим ногам припав.

Мне не надо больше обреченных –
Пленников, заложников, рабов,
Только с милым мне и непреклонным
Буду я делить и хлеб, и кров.

Ахматова осталась жить с Ольгой Судейкиной (та эмигрировала только в 1924 году), но продолжала общаться с Шилейко, который получил к тому времени служебную квартиру в Мраморном дворце, и когда уезжал в Москву, то за Тапом (Тапа, Тап, Тапуля, Тушин) ухаживала Ахматова или ее к этому времени верные друзья – Павел Лукницкий и Николай Пунин.

В черновиках остались строки из стихотворения Ахматовой «Опять подошли “незабвенные даты”»:

Все ясно — кончается злая неволя,
Сейчас я пройду через Марсово Поле.

А в Мраморном крайнее пусто окно,
Там пью я с тобой ледяное вино,
Мы заняты странным с тобой разговором,
Уже без проклятий, уже без укоров,

И там прощаюсь с тобою навек,
Мудрец и безумец — дурной человек.

А Шилейко в письме своей третьей жене Вере Константиновне Андреевой пишет в Москву: «Потом пришла Анна Андреевна и увела меня обедать в маленький ресторанчик на Екатерининской и после любезной и ядовитой беседы отбыла в Царское вероятно, совсем». (Ахматова в это время жила в пансионате в Царском Селе.)

И, опуская все подробности, привожу запись Павла Лукницкого от 23 января 1926 года: «...Пришел (в Мраморный дворец). В столовой друг против друга сидели А.А. и Шилейко — пили чай. (Это было в час дня.) А.А. в шубе, Шилейко — в пиджаке... Можно не любить Шилейко, но нельзя не удивляться его исключительному остроумию».

Официально брак с Шилейко был по его просьбе расторгнут 8 июня 1926 года.

Запись Лукницкого от 20 июня 1926 года: «А.А. живет материально так: 60 рублей из КУБУ и 50 от Шилейко (на квартиру и Тапа). Квартира стоит 20 с лишним рублей в месяц, 20 рублей А.А. отдает (посылает) А.Н. (матери Гумилева) и Леве — в Бежецк. Кормежка Тапа обходится в 15 рублей. Обед А.А. ничего не стоит (обед у Пунина). Прислуга получает жалование — 8 рублей. А.А. остается 47 руб. на все расходы».

Так кому все-таки был подарен в 1922 году сборник «Anno Domini»?

Лукницкий, который в 1924 году записывал за Ахматовой ее воспоминания, пишет, что Анна Андреевна рассказывала, как в 1918 году ездила с Шилейко в Москву и жила там с ним некоторое время в Зачатьевском переулке.